

А.Яшлавский

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ДЖИХАДИСТОВ
ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА ЗАПАДЕ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2020-4-133-148

Вытеснение терроризма из региона: обратная сторона

Глобализационные и миграционные процессы накладывают особый отпечаток на вызовы, с которыми сталкивается современный мир. Это касается в том числе и террористической угрозы, давно превратившейся в транснациональный феномен. В этой связи представляется важным обратить внимание на некоторые аспекты террористической активности выходцев из постсоветской Центральной Азии (ЦА) далеко за пределами их региона – в странах Запада.

При том, что экспертами признается высокий уровень потенциальной угрозы терроризма в Центрально-Азиатском регионе, существует мнение, что «террористическая угроза в самой Центральной Азии остается ограниченной». Это подтверждается данными о том, что в регионе в 2008–2018 гг. было зафиксировано лишь 19 нападений, инициированных негосударственными субъектами и официально названных актами терроризма [1].

Воинствующие экстремисты в своей деятельности не замыкаются в границах постсоветской Средней Азии, но демонстрируют и готовность, и способность действовать за пределами этого региона. Кровавое нападение в июле 2018 г. на туристов из Швейцарии, Нидерландов и США, путешествовавших на велосипедах по Таджикистану, со стороны боевиков, объявивших о своей приверженности группировке ИГ,¹ было воспринято экспертным сообществом как важный сигнал: «Это была первая атака в регионе, нацеленная на западных туристов. Ранее “Исламское движение Узбекистана”² захватывало заложников во время своего вторжения в 1999–2000 годах. В 2004 г. были совершены нападения на израильское посольство и посольство США в Ташкенте... Были и другие убийства и захваты

¹ ИГ, ИГИЛ («Исламское государство») – запрещенная в России террористическая организация.

² «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) – запрещенная в России террористическая организация.

заложников в Таджикистане в конце гражданской войны. Но это была первая атака, специально направленная против западных туристов в регионе» [1].

Примечательно, что это было первое террористическое нападение в регионе, связанное с ИГ, что позволяет говорить о возникновении новой тенденции террористической деятельности в ЦА. Между тем деятельность воинствующих исламистских группировок давно распространилась с территории постсоветских центральноазиатских республик в другие страны (прежде всего Афганистан и Пакистан, а с активизацией джихадистов на Ближнем Востоке немалое количество сочувствующих им выходцев из ЦА перебрались в «горячие точки» в Сирии и Ираке). Однако не только конфликтные зоны становятся полем активности такого рода экстремистов.

Как отмечает польский исследователь Ю.Ланг, со времени распада СССР и образования в Среднеазиатском регионе новых государств, исламистский терроризм претерпел значительную эволюцию от местных группировок до террористических организаций международного уровня. В первый период этой эволюции (1990–2000 гг.) радикальные организации концентрировались главным образом на попытках устроить «исламскую революцию» в регионе, но после окончания гражданской войны в Таджикистане и провала попыток спровоцировать восстание в Ферганской долине они перебазировались на территорию Афганистана, где ИДУ стало союзником талибов.³

После американского вторжения в Афганистан боевики ИДУ перебрались на территорию Пакистана. Это ознаменовало начало продолжавшейся до 2014 г. второй фазы развития радикальных исламистских организаций из Средней Азии – в этот период и ИДУ, и отколовшийся от него «Союз исламского джихада» (СИД)⁴ превратились в важный элемент международной террористической конгломерации в Пакистане и Афганистане, причем внимание центральноазиатских экстремистов исламистского толка стали привлекать Европа и США [2, р. 2].

Более того, по мнению Ланга, именно ИДУ и СИД стали пионерами в широкомасштабной вербовке исламистских радикалов из европейских стран. Обе организации рассматривали Среднюю Азию скорее как источник новых рекрутов, нежели как поле вооруженной борьбы [2, р. 2] (исключение составили устроенные СИД серия взрывов в Узбекистане и атаки смертников у посольств США и Израиля в Ташкенте в 2004 г.). Примером

³ «Талибан» – запрещенная в России террористическая организация.

⁴ «Союз исламского джихада» (СИД) – запрещенная в России террористическая организация.

вербовочной деятельности этих группировок служит сорванный в 2007 г. заговор с целью нападения на американские объекты на территории Германии, в котором принимали участие члены германской ячейки «Союза исламского джихада» – два немца, принявшие ислам, и два турка.

В 2010 г. спецслужбы ряда западных стран объявили о сорванных планах проведения ряда терактов в Германии, Франции и Великобритании, которые экстремисты собирались устроить по «мумбайскому сценарию».⁵ Как утверждалось, «заказчиком» планировавшихся атак был Усама бен Ладен, а исполнителями должны были стать террористы ИДУ [3, р. 39].

Начало новой фазы терроризма ознаменовала эскалация вооруженного конфликта в Сирии, куда из Пакистана отправилась значительная часть боевиков ИДУ и СИД. Конфликт в Сирии, с одной стороны, вел к упадку существовавших организаций среднеазиатских исламистских боевиков, но в то же время способствовал возникновению широкого спектра новых организаций и группировок, популяризировал отправку их боевиков в ближневосточные «горячие точки» для участия в джихаде.

Центральная Азия стала одним из значимых «поставщиков» иностранных бойцов, отправившихся на Ближний Восток воевать на стороне террористических салафитско-джихадистских группировок и составлявших почти пятую часть от всех иностранных боевиков. По некоторым данным, количество боевиков из Центральной Азии на Ближнем Востоке на начало 2017 г. оценивалось более чем в 5 тыс. человек [4, с. 193]. Тем не менее, следует признать отсутствие достоверных данных о том, сколько выходцев из центрально-азиатского региона отправилось в Сирию и Ирак в качестве сторонников джихадистских группировок.

Хотя существует потенциальная угроза возврата «ветеранов джихада» из «горячих точек» в свои родные страны, в реальности о массовом их возвращении говорить сложно. В частности, это связано с обоснованными опасениями перед уголовным преследованием бывших боевиков, особенно тех, кто принимал участие в военных действиях, а тем более – в террористических актах [см.: 4, с. 197-201]. Поэтому, как отмечал эксперт по Центрально-Азиатскому региону Э.Лемон, вместо возвращения

⁵ В 2008 г. в г. Мумбаи (Индия) исламистские террористы из группировки «Деккан Муджахедин» несколькими мобильными группами совершили серию скоординированных нападений, в результате которых погибли более 160 мирных жителей и сотрудников силовых структур.

на родину, боевики скорее предпочитают мигрировать в Европу в качестве беженцев или перебираться на другой театр боевых действий [1].

В любом случае, трудно не согласиться с утверждениями, что события на Ближнем Востоке способствуют не только распространению идеологии исламистского радикализма в странах Центрально-Азиатского региона, но и получению гражданами республик опыта участия в активных боевых действиях. Обращает на себя внимание то, что конфликт на Ближнем Востоке совпал с экономическим кризисом в России и странах ЦА, что также интенсифицировало радикализацию мусульман региона.

Показательно, что исследования социального портрета центрально-азиатских радикалов, уехавших в зону боевых действий на Ближнем Востоке, демонстрируют, что более половины из них получили полное среднее образование, до 30% обучались в вузах и имеют семьи, большинство до ухода в террористические группировки работали. Во всех республиках отмечается расширение социальной базы радикалов за счет представителей мелкого и среднего бизнеса, чего ранее не происходило [5, с. 51].

Среди исследователей бытует убеждение, что сам по себе Центрально-Азиатский регион в целом не является «полем боя» для возникших в нем вооруженных экстремистских организаций исламистского толка, хотя власти постсоветских республик и пытаются связать всю политическую оппозицию с растущей религиозной радикализацией. Отмечая, что «боевики-мусульмане из Средней Азии все чаще встречаются в ИГ», исследователи Дж.Хизершо и Д.Монтгомери приходят к убеждению, что «сама Средняя Азия так и не представляет собой плодородную почву для возникновения международных идеологических и политических связей» [6, р. 15]. Это приводит к ситуации, когда радикально настроенные граждане Средней Азии в значительном количестве сражаются за границей под знаменами исламистов – в частности, имеются в виду боевики центральноазиатского происхождения, воевавшие в Афганистане и Пакистане с 2001 г., а также на стороне ИГ в Сирии и Ираке [6, р. 14].

Дополнительным фактором, способствующим радикализации некоторых граждан центральноазиатских республик, по мнению наблюдателей, служат проводимые властями репрессии против «диссидентов» (включая исламистов). Как отмечает турецкий исследователь Г.Сёнмез, «таким образом, хотя правительства пытаются устранить исламистов, как существенную угрозу, одним из последствий этого становится экспорт терроризма из страны» [7, р. 17].

Западные эксперты утверждают, что жесткая политика властей центральноазиатских постсоветских государств в отношении «независимых исламских групп в сочетании с жестким надзором и аппаратом угнетения

приводит к тому, что большинство радикализированных людей решают участвовать в террористической деятельности за пределами региона». В этом контексте отъезд радикально настроенных исламистов за рубеж, «несмотря на нарратив об исходящих от них угрозах, выгоден для государств Центральной Азии», поскольку потенциальные экстремисты и террористы оказываются за границей [2, р. 6].

Мигрантский фактор

На ситуацию, связанную с распространением экстремистской деятельности исламистского толка на территории постсоветских государств ЦА, несомненно, оказывают влияние и миграционные процессы. В частности, известны факты отправки выходцев из Средней Азии на Ближний Восток для участия в вооруженных конфликтах на стороне исламистских группировок не из своих родных стран, а с территории России, куда они попадают в качестве «гастарбайтеров».

Порой оторванные от родной почвы, попадающие в непривычную культурную среду, сталкивающиеся с дискриминацией, чувствующие социальную отчужденность трудовые мигранты становятся легкой добычей для «рекрутеров» экстремистского толка, умело использующих в своих целях недовольство людей своим положением.

В исследованиях о религиозности мигрантов из центральноазиатских государств отмечается, что в мигрантской среде одновременно происходят два процесса: 1) растет число строго практикующих мусульман, 2) для некоторой части мигрантов ислам перестает быть важным, и «эти люди становятся непрактикующими мусульманами, принимают светский образ жизни» [8, с. 178]. При этом «рост религиозного фактора среди мигрантов и крайне скудные знания основ исламской религии способствуют тому, что мигранты легко поддаются вербовке исламистов» [8, с. 179].

В этой связи не может не вызывать беспокойства активность экстремистски настроенных граждан государств ЦА за пределами своих стран и региона. В последние годы зафиксирован ряд терактов, совершенных выходцами из центральноазиатских республик на Западе – в Европе и Северной Америке. Помимо той опасности, которую несет экстремистская деятельность выходцев из ЦА для стран Запада, нельзя не учитывать и того, что она негативно сказывается на имидже как центральноазиатских государств, так и трудовых мигрантов оттуда [9, с. 108].

В частности, эксперты указывают, что «Центрально-Азиатский регион фактически сделался вербовочной базой для международных террористических организаций, которые используют выходцев из стран Центральной Азии для подготовки и совершения преступлений

террористического характера по всему миру. При этом вербовщики активно работают с лицами, являющимися трудовыми мигрантами и уехавшими со своей родины на заработки в западные страны. Используя ситуацию, в которой они оказываются, а именно сложности с трудоустройством и поиск нового места жительства, невозможность быстрой адаптации к условиям жизни в чужой стране, особенности менталитета и традиций жителей стран Центральной Азии, а также их религиозность, международные террористические организации получают хорошую возможность для привлечения в свои ряды новых сторонников и последователей, причем по всему миру» [10, с. 95].

Миграционные перемещения выходцев из ЦА происходят в значительной степени за пределами субрегиона. «Например, в 2019 году чуть менее 5 миллионов мигрантов, родившихся в Центральной Азии, проживали в Российской Федерации. Благодаря значительно более высокой заработной плате и более широким возможностям трудоустройства, Российская Федерация долгое время была основным пунктом назначения для трудовых мигрантов из Центральной Азии» [11].

Хотя традиционно считается, что основные потоки мигрантов из бывших союзных республик Центральной Азии направляются в Россию, одновременно растет количество мигрантов из этого региона в других странах Европы [12, с. 316]. Больше всего мигрантов из Центральной Азии принимает Германия, за ней следуют Великобритания, Франция, Италия, Австрия, затем идут государства Скандинавии и Прибалтики. Граждане стран ЦА меньше всего едут (или практически не едут) в такие страны, как Словения, Сербия, Румыния, Португалия [12, с. 321]. Существуют также значительные общины мигрантов в Турции, где проживает от 100 до 200 тыс. выходцев из Центральной Азии, и в США, где их проживает около 250 тыс. человек [13].

При этом речь идет не только о трудовой миграции; есть определенный сегмент граждан центральноазиатских стран, которые покинули свою родину по политическим мотивам (в частности, это сторонники оппозиционных партий и движений, включая более или менее умеренные исламистские группы) и оседают в странах Европы.

В этой связи исследователи выражают беспокойство, что под видом соискателей политического убежища в странах Запада могут скрываться потенциальные экстремисты. Так, говоря об активности «ищущих убежище» террористов (terrorist asylum-seekers) в Европе, С.Маллинс отмечает, что подавляющее большинство иностранных террористических организаций связано с ИГИЛ, которое специально нацелено на проведение «внешних операций» против Европы с использованием «ищущих убежище» террористов [14, р. 65].

Вместе с тем не приходится сомневаться, что подавляющее большинство живущих в странах Запада выходцев из Центрально-Азиатского региона не имеют никакого отношения к деятельности экстремистов и террористов. Однако нельзя игнорировать и факты, свидетельствующие о вовлеченности в откровенно экстремистскую и, более того, террористическую деятельность некоторых выходцев из Центральной Азии. В качестве примеров можно указать, что в США в 2010-е гг. были задержаны несколько выходцев из ЦА (в частности, из Узбекистана) по обвинению в оказании материальной поддержки террористическим группировкам.

В 2011 г. американскими правоохранительными органами был арестован незаконно проживавший в Алабаме по недействительной студенческой визе гражданин Узбекистана, сообщивший одному из сторонников ИДУ о своем плане устроить покушение на президента США Б.Обаму. Молодой человек, признавший себя виновным в материальной поддержке иностранной террористической организации, в угрозах убийством президента и незаконном хранении огнестрельного оружия, был приговорен к длительному тюремному заключению [15].

Еще один выходец из Узбекистана был арестован в США в январе 2012 г. за попытку выехать в Пакистан, чтобы присоединиться к «Союзу исламского джихада». В 2013 г. в штате Айдахо по подозрению в планировании крупного заговора с целью нанесения ударов по военным объектам США был арестован беженец из Узбекистана, подозреваемый в изготовлении бомбы. Побудительным мотивом его действий было недовольство военными действиями США в Афганистане. В августе 2015 г. он был приговорен к 25 годам лишения свободы в федеральной тюрьме [15].

Ряд арестов граждан среднеазиатских республик был произведен американскими правоохранительными органами по подозрению в финансировании сторонников террористических группировок и попытках отправиться на Ближний Восток воевать на стороне экстремистских группировок. В частности, в сентябре 2019 г. суд присяжных в Нью-Йорке признал гражданина Узбекистана виновным в финансировании пособников «Исламского государства» и приговорил его к 30 годам тюремного заключения. По версии обвинения, мужчина в 2015 г. вместе с еще одним выходцем из Узбекистана собрал 1600 долларов, чтобы передать их молодому казахстанцу, собиравшемуся вместе со своим знакомым уехать воевать за ИГИЛ на Ближнем Востоке. Задержанные по этому делу граждане Узбекистана и Казахстана были приговорены американскими судами в 2017 г. к длительным срокам тюремного заключения [16].

Этими примерами данные об участии выходцев из постсоветской Центральной Азии в экстремистской деятельности в США и других странах

Запада, естественно, не ограничиваются. В частности, выходцы из Киргизии участвовали в теракте в аэропорту Стамбула в 2016 г., а в декабре 2018 г. в Швеции несколько выходцев из Средней Азии (включая Киргизию) были обвинены в терроризме и связях с ИГ. В марте 2019 г. полиция ФРГ сообщила о задержании на западе страны граждан Таджикистана по подозрению в подготовке теракта. Операции по задержанию произошли в ходе антитеррористических рейдов в федеральных землях Северный Рейн-Вестфалия и Баден-Вюртемберг.

В ноябре 2019 г. власти Швеции приняли решение о депортации из страны 46-летнего гражданина Узбекистана, ранее приговоренного к тюремному заключению сроком на 7 лет за подготовку теракта и финансирование терроризма. В ходе слушаний по делу о подготовке террористических преступлений обвинения были предъявлены шести задержанным (кроме одного гражданина Киргизии, все остальные – граждане Узбекистана в возрасте от 30 до 46 лет). Все шестеро также обвинялись в нарушении закона о финансировании терроризма, хотя они отрицали свою вину [17].

Деятельность экстремистов – выходцев из Центральной Азии на территории стран Запада не ограничивается подготовкой террористических нападений. Ведется работа по вербовке сторонников экстремистских группировок, радикализации местных мусульман и созданию нелегальных ячеек. Как отмечает Ю.Ланг, пионером в этой деятельности был «Союз исламского джихада», который инициировал усилия по рекрутированию новых сторонников в Турции и постепенно переключил свою деятельность на мусульманские общины в странах Западной Европы: «Сначала этот процесс был частью услуг субподряда для “Аль-Каиды”,⁶ но позже стал неотъемлемой частью операций ИДУ и СИД, элементом укрепления их позиций среди других террористических организаций и повышения их привлекательности на других театрах действий (такие как Средняя Азия и Россия)» [3, р. 38].

При этом наиболее уязвимой для деятельности возникших в Центральной Азии экстремистских исламистских группировок оказалась Германия; была зафиксирована активность этих группировок и в таких европейских странах, как Франция, Великобритания, Дания, Испания и других. В качестве недавних примеров такой деятельности можно указать на появившиеся в апреле 2020 г. заявления властей Германии о задержании в

⁶ «Аль-Каида» – запрещенная в России террористическая организация.

федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия пяти выходцев из Таджикистана, подозреваемых в создании ячейки ИГ для совершения нападений [18].

По данным спецслужб Германии, задержанные таджикистанцы подозреваются в связи с ИГ и в подготовке террористических актов на территории ФРГ (в частности, против американских военных объектов, размещенных в стране, а также в отношении эмигрировавших из Таджикистана деятелей, настроенных, с точки зрения экстремистов, критически к исламу).

По версии следствия, подозреваемые в январе 2019 г. присоединились к «Исламскому государству» и основали в Германии ячейку. Первоначальный план состоял в том, чтобы уехать в Таджикистан для участия в вооруженном «джихаде» против властей этой страны. Однако впоследствии они решили остаться и организовать теракты на территории ФРГ. При этом, как утверждают немецкие правоохранительные органы, экстремисты получали указания из-за границы от высокопоставленных функционеров ИГ в Сирии и Афганистане, с которыми находились в постоянном контакте.

В мае 2020 г. в Польше были задержаны 4 гражданина Таджикистана по подозрению в вербовке боевиков для совершения вооруженных нападений. Подозреваемых, по данным польских властей, «вдохновила» террористическая группировка «Исламское государство», хотя они не являются ее членами [19].

Кровавая волна 2017 года

Наиболее наглядное представление о террористической деятельности выходцев из Центрально-Азиатского региона на Западе дает серия совершенных ими в 2017 г. нападений. В ночь на 1 января 2017 г. гражданин Узбекистана А.Машарипов открыл огонь по людям, отмечавшим Новый год в ночном клубе Reina в Стамбуле. Жертвами теракта стали 39 человек.

Являющаяся членом НАТО и активно участвующая в сирийском вооруженном конфликте Турция стала весьма уязвимой для терроризма. После того как Анкара изменила свою политику в отношении ИГ, эта организация совершила в стране несколько террористических актов, участниками которых нередко становились исламистские радикалы из Центральной Азии. Помимо нападения на стамбульский ночной клуб, в качестве примера можно привести нападение на аэропорт Стамбула 28 июня 2016 г., в результате которого погибли 45 человек [2, p. 6].

Подозреваемый в совершении теракта был задержан две недели спустя. Как удалось установить, Машарипов получил через приложение

Telegram приказ от одного из высокопоставленных боевиков ИГ, находившегося в Сирии, начать атаку. Сообщалось, что злоумышленнику помогали еще трое выходцев из Средней Азии. В ходе расследования, предшествовавшего задержанию террориста, турецкие силы безопасности провели рейды в пяти муниципалитетах Стамбула против «узбекских сетей, связанных с ИГ» [7, р. 14].

Несмотря на задержание нападавшего, многие детали его радикализации остаются неясными. Сообщалось, что Машарипов имел опыт участия в джихадистском движении, принимал участие в конфликте в Сирии, проходил подготовку в Афганистане и Пакистане в учебном лагере «Аль-Каиды», прежде чем присягнул на верность ИГИЛ. К моменту теракта в Стамбуле в Узбекистане был выписан ордер на его арест за террористическую деятельность [7, р. 14].

Через несколько дней после кровопролитного теракта в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г., исполнителем которого стал выходец из Киргизии, этнический узбек А.Джалилов [9, с. 108], 7 апреля 2017 г. в центре Стокгольма террорист-исламист устроил теракт с применением транспортного средства. Исполнителем стал 39-летний выходец из Узбекистана Р.Акилов, направивший угнанный грузовик в толпу людей. Для атаки было выбрано время, когда на улицах было много пешеходов, включая туристов. Жертвами нападения стали пять человек, еще 14 получили серьезные травмы.

По данным прокуратуры, мотивом нападения было намерение заставить правительство Швеции прекратить помощь правительству Ирака по обучению военных. Задержанный шведскими правоохранительными органами Акилов был осужден по обвинениям в убийстве и террористической деятельности и приговорен к пожизненному заключению. По словам его брата, Р.Акилов, уроженец села неподалеку от Самарканда, не отличался религиозностью, не посещал мечети ни в Узбекистане, ни в России, куда он уехал в 2009 г. на заработки. После того как Акилов потерял в России работу, он уехал через Польшу в Швецию, куда прибыл в октябре 2014 г., подав заявление о предоставлении убежища в шведскую миграционную службу.

В Швеции Акилов утверждал, что нуждается в убежище, поскольку, по его словам, подвергался пыткам со стороны обвинявших его в терроризме и измене спецслужб Узбекистана. Несмотря на это, шведская миграционная служба не нашла оснований для предоставления убежища, потребовав от соискателя покинуть территорию Швеции, однако он скрылся. Насколько известно, будущий террорист жил по различным адресам в пригородах Стокгольма, много работал, прослыл «нормальным мусульманином», посещавшим мечеть по пятницам, что не мешало ему по

выходным выпивать и употреблять марихуану. Незадолго до теракта Акилов за употребление наркотиков и сон на рабочем месте был уволен со стройки, где работал.

По данным шведской полиции, Акилов выражал симпатии к экстремистским организациям, включая ИГ. Как стало известно, нападавший принес присягу верности ИГ в записанном им самим видеоролике за день до теракта. Согласно утверждениям главы МИД Узбекистана А.Камилова, Акилов вступил в ИГИЛ после переезда в Швецию и призывал своих друзей и родственников в Узбекистане выступать за ИГИЛ. Источники в спецслужбах Узбекистана утверждали, что Акилов в 2015 г. пытался уехать в Сирию, чтобы присоединиться к ИГИЛ, но был остановлен на турецко-сирийской границе и вернулся в Швецию. По данным тех же источников, за два месяца до теракта в Стокгольме власти Узбекистана включили Акилова в список разыскиваемых по подозрению в религиозном экстремизме лиц.

Спустя несколько месяцев после стокгольмского теракта произошло террористическое нападение в США, когда 31 октября 2017 г. в Нижнем Манхэттене (Нью-Йорк) управлявший грузовиком 29-летний выходец из Узбекистана С.Саипов врезался в велосипедистов и людей, совершавших пробежку. В результате теракта погибли 8 человек (включая 6 иностранцев) и 11 человек получили ранения. Этот инцидент был расценен, как самый смертоносный теракт в Нью-Йорке после 11 сентября 2001 г.

Уроженец Ташкента С.Саипов переехал в США в 2010 г. по программе розыгрыша виз, дающих право на получение статуса постоянного жителя (резидента) США. В 2015 г. федеральные агенты опрашивали Саипова о его контактах с лицами, подозреваемыми в террористической деятельности, однако дела в отношении него открыто не было. При том, что информации о каких-либо связях Саипова с террористическими группировками в Узбекистане нет, учитывая возможное присутствие среди его знакомых радикализированных земляков, велика вероятность, что он сталкивался с пропагандой террористов во время «явной радикализации на территории США» [7, р. 15].

Представители американской полиции сообщали, что Саипов совершил свои действия во имя ИГИЛ и действовал в соответствии с призывами этой террористической организации. В грузовике, которым управлял террорист, были обнаружены материалы, свидетельствующие о присяге, принесенной на верность террористической группировке ИГИЛ. Как следует из материалов уголовного дела, злоумышленник планировал нападение около года, собираясь осуществить его, когда на улице будет больше мирных жителей. В ходе следствия на электронных устройствах Саипова были найдены изображения и видеоролики, связанные с ИГИЛ.

Более того, в своих пропагандистских материалах группировка ИГИЛ взяла ответственность за теракт на себя, назвав Саипова «солдатом халифата».

Как отмечает Э.Лемон, нападения в 2017 г. совершались двумя различными типами выходцев из Центральной Азии. Первый тип представлен экстремистами, действовавшими по приказу после прямых контактов с террористическими организациями, в основном – представителями «Исламского государства» (в качестве примера приводится устроивший теракт в Стокгольме Р.Акилов, заявлявший, согласно обвинительному заключению, что до нападения он общался не менее чем с 30 исламистскими боевиками в Сирии, Ираке и Афганистане). Второй тип – люди, которые были радикализированы (как, например, устроивший теракт в Нью-Йорке С.Саипов): «они подверглись джихадистской пропаганде, но имеющиеся у нас свидетельства указывают на то, что у них не было каких-либо конкретных контактов путем обмена сообщениями или онлайн-общения с какими-либо членами или сторонниками террористической организации» [13].

Как отмечают исследователи, выходцы из Средней Азии, устроившие в 2017 г. теракты в Стокгольме, Санкт-Петербурге и Нью-Йорке, не проявляли явных признаков радикализации в своих странах до переезда за рубеж (в этом смысле исполнитель новогоднего теракта в Стамбуле Машарипов представляет собой исключение – по-видимому, он мог подвергнуться радикализации в Узбекистане, учитывая тот факт, что он переехал из своей страны в Афганистан для учебы в тренировочных лагерях «Аль-Каиды» [7, р. 15]). Напротив, есть основания полагать, что эти люди стали подвергаться влиянию экстремистских идеологий в тех странах, куда они переехали.

Интернет и зашифрованные сетевые инструменты предоставляют современным террористам беспрецедентные возможности иметь повсеместный доступ и контакты в реальном времени со своими целевыми аудиториями в любой части света [20]. В частности, как указывает Г.Сёнмез, фоном для этих нападений стал рост воинствующего салафизма, присутствие мощных узбекских террористических групп в Афганистане и Сирии, усиление террористической пропаганды на узбекском языке, доступной для диаспор выходцев из Узбекистана по всему миру [7, р. 15].

Вызовы и угрозы

Говоря о потенциальной угрозе со стороны живущих в странах Запада экстремистски настроенных представителей выходцев из ЦА, следует иметь в виду общие тенденции, проявляющиеся в салафитско-джихадистском терроризме в последние годы. Прежде всего озабоченность

вызывает изменение террористической тактики в направлении «автономного джихада» и «терроризма одиночек». Притом, что в подполье продолжают действовать террористические сети и организации, теоретически любой вдохновленный экстремистской идеологией или даже просто решивший совершить теракт по тем или иным причинам человек может стать террористом-одиночкой.

Разрастанию феномена одиночных террористов способствует повсеместная доступность информационных и коммуникационных технологий, позволяющих экстремистским идеологам вести пропаганду среди широкой аудитории, некоторые представители которой идут на убийства ни в чем не повинных мирных граждан на улицах европейских и американских городов. Деятельность не связанных напрямую с известными террористическими сетями и организациями «террористов-одиночек», находящихся, как правило, «вне радаров» спецслужб, крайне трудно отслеживать и предотвращать с учетом использования террористами таких «подручных средств», как автомобили и холодное оружие [21, с. 634].

В длинном перечне фактов террористической деятельности адептов воинствующего исламизма, с которыми за последние два десятилетия пришлось столкнуться Западу, экстремистская активность выходцев из постсоветской ЦА составляет лишь один из многочисленных ее сегментов – наряду с доморощенными террористами и радикализированными мигрантами из других регионов планеты.

Вместе с тем данный феномен, демонстрирующий трансграничный, транснациональный и глобальный характер, имеет ряд специфических черт и представляет предмет серьезной озабоченности не только для стран Запада, но и постсоветского пространства, включая, естественно, Россию и центральноазиатские государства. Можно предположить, что ряд факторов (к которым можно отнести, с одной стороны, социокультурные, общественно-политические и религиозные особенности региона, а с другой стороны – жесткие меры властей по подавлению в зачатке проявлений экстремизма) приводит к вытеснению адептов экстремистских течений за рубежи стран постсоветской Центральной Азии, что в свою очередь потенциально способно повышать градус радикализации этих элементов.

Как отмечают К.Боричев и М.Павлик, «пока нет детальных исследований относительно причин радикализации некоторых уехавших за границу выходцев из Центральной Азии. Вместе с тем более общие исследования относительно актов насилия, совершенных “одиночками”, указывают как раз на то, что основными факторами являются обиды из-за маргинализации и несправедливости, неспособность влиться в общество, а также личные обиды и проблемы в семье» [10, с. 95].

Готовых рецептов избавления от опасности такого типа не существует. Очевидно, что необходима эффективная и в то же время крайне аккуратная комплексная работа (в том числе и не только по линии спецслужб) по предотвращению не только террористической деятельности, но и радикализации оказавшихся за рубежом выходцев из региона ЦА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lemon E. 2018. Talking Up Terrorism in Central Asia. – *Kennan Cable*, No. 38. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-38-talking-terrorism-central-asia> (дата обращения 08.06.2020).
2. Lang J. 2017. Exporting Jihad – Islamic terrorism from Central Asia. – *Centre for Eastern Studies. OSW commentary*. Number 236. 12.04.2017. [Policy Paper] URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2017-04-12/exporting-jihad-islamic-terrorism-central-asia> (дата обращения 07.07.2020).
3. Lang J. (2013) The radical islamic militants of Central Asia. – *Centre for Eastern Studies*. URL: https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/report_the-radical-islamic-militants.pdf (дата обращения 15.07.2020).
4. Яшлавский А.Э. 2019. Центральная Азия: проблемы возвращения из «горячих точек» сторонников экстремистских группировок. – *Россия и новые государства Евразии*, № III (XLIV), с. 191-207. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-191-207.
5. Кукол С.Ю. 2020. Ислам в Узбекистане: современность и перспективы развития. – *Проблемы национальной стратегии*, № 1 (58), с. 49-67.
6. Heathershaw J., Montgomery D.W. 2014. The Myth of Post-Soviet Muslim Radicalization in the Central Asian Republics. – *Russia and Eurasia Programme*. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/201411111PostSovietRadicalizationHeathershawMontgomeryFinal.pdf> (дата обращения 08.06.2020)
7. Sonmez G. 2017. Violent Extremism among Central Asians: The Istanbul, St. Petersburg, Stockholm, and New York City Attacks. – *CTC Sentinel*, 10 (11), pp. 14-18. URL: https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2017/12/CTC-Sentinel_Vol10Iss11-18.pdf (дата обращения 06.07.2020).
8. Куликов Е.А., Мазуров В.А., Стародубцева М.А. 2018. Географическое профилирование как тактика поиска потенциальных террористов в среде мигрантов. – *Society and Security Insights*, т. 1, №4, с. 168-183. DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2018\)4-12](https://doi.org/10.14258/ssi(2018)4-12).

9. Акматалиева А.М. 2018. Международный терроризм в Центральной Азии: критический дискурсивный анализ. – *Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета*, т. 18, №7, с. 107-110.
10. Боричев К.В., Павлик М.Ю. 2019. О причастности трудовых мигрантов – выходцев из стран Центральной Азии – к террористической деятельности. – *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, № 4 (84), с. 92-98. DOI: 10.35750/2071-8284-2019-4-92-98.
11. International Organization for Migration (IOM). – *World Migration Report 2020*. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения 29.06.2020).
12. Курyleв К.П., Курбанов Р.М., Макенова А.Б., Хотивришвили А.А. 2018. Миграционные потоки из Центральной Азии в страны Европейского союза. – *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 18, № 2, с. 315-327. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-315-327.
13. Lemon E. 2018. *Assessing the Terrorist Threat In and From Central Asia*. URL: <https://voicesoncentralasia.org/assessing-the-terrorist-threat-in-and-from-central-asia/> (дата обращения 08.06.2020).
14. Mullins S. 2019. *Jihadist Infiltration of Migrant Flows to Europe: Perpetrators, Modus Operandi and Policy Implications*. London: Palgrave Pivot. 175 p.
15. Clifford B. 2017. Radicalization and the Uzbek Diaspora in the Wake of the NYC Attacks. – *GW Program on Extremism*. URL: <https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs2191/f/CliffordRadicalizationandUzbekDiaspora.pdf> (дата обращения 15.06.2020).
16. Суд в США приговорил узбекистанца к 30 годам тюрьмы за финансирование ИГИЛ. – *Озодлик*, 28.09.2019. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/30188858.html> (дата обращения 08.07.2020).
17. В Швеции освобожден подозревавшийся в подготовке теракта выходец из Узбекистана. – *Озодлик*, 05.11.2019. URL: <https://rus.ozodlik.org/a/30253989.html> (дата обращения 16.07.2020).
18. В Германии задержали четверых граждан Таджикистана по подозрению в подготовке терактов. – *Радио Озоди*, 15.04.2020. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30555820.html> (дата обращения 08.07.2020).
19. В Польше задержали четырех граждан Таджикистана по подозрению в вербовке боевиков. – *Радио Озоди*, 12.05.2020. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30607013.html> (дата обращения 08.07.2020).
20. Soliev N. 2019. The Internationalisation of the Central Asian Terrorist Threat. – Schreer B., Tan A.T.H. (Eds.) *Terrorism and Insurgency in Asia: A contemporary examination terrorist and separatist movements (Europa Regional Perspectives)*. Abingdon: Routledge, pp. 86-102.

21. Яшлавский А.Э. 2019. Мифы и реальность терроризма «одиночек» в контексте исламистского экстремизма. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, т. 19. № 4, с. 632-642. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-632-642.